

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

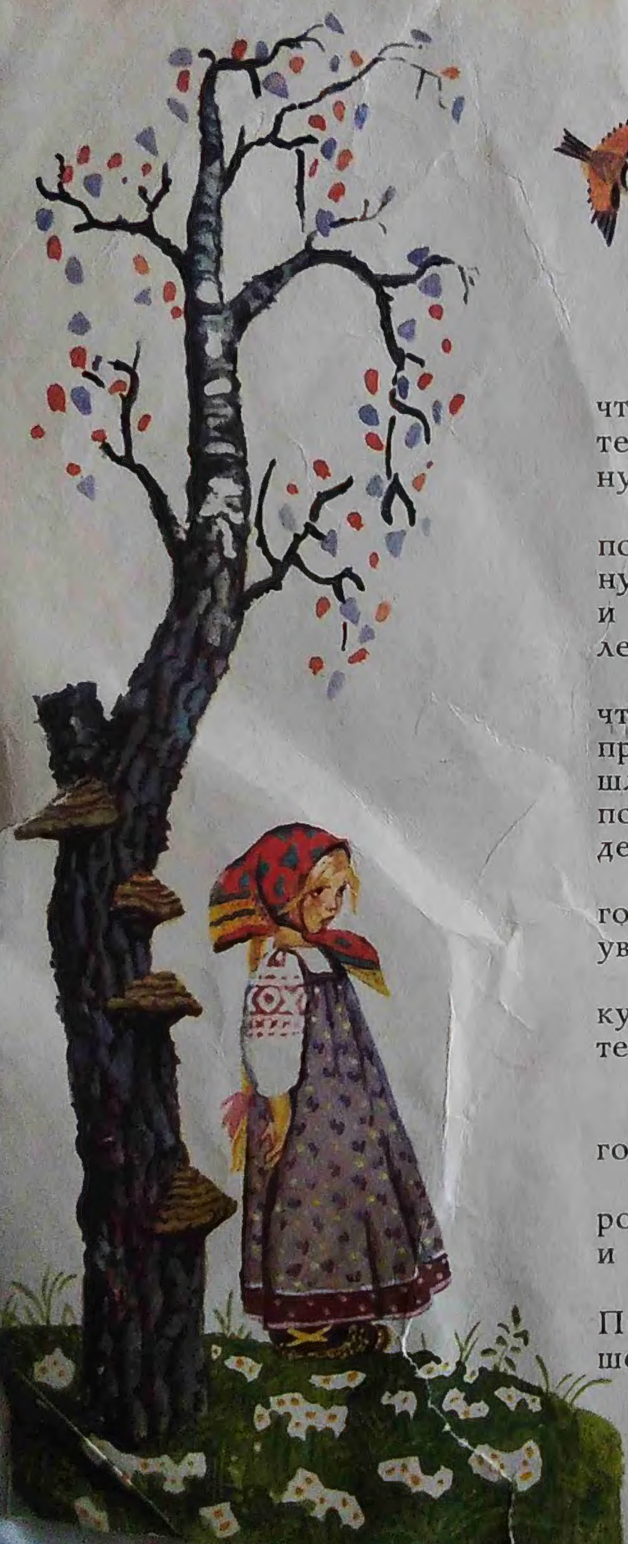
— Доченька,— говорила мать,— мы пойдём на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а девочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала,

что худо будет от отца с матерью,— братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом.

Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава, что они пошаливали — маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонит-

ся к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая Баба Яга прядёт кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба Яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Де́вица, де́вица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба Яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А Баба Яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-Яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-Яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла.

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Речка укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали — пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листами...

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, печка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

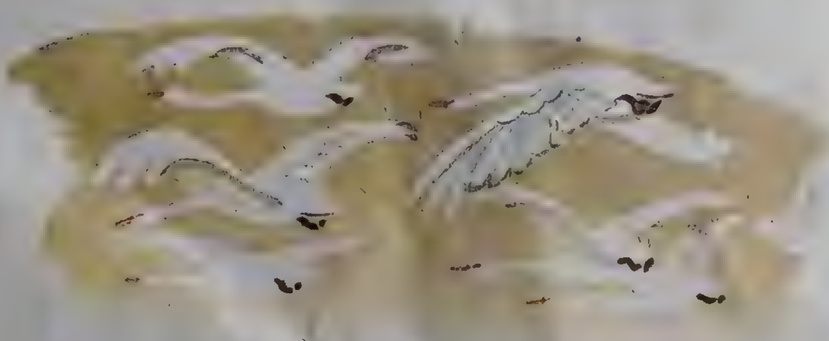
Девочка скорее пирожок в рот, а сама с братцем в печь — села в устьице*.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к Бабе Яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой. А тут и отец с матерью пришли.

---

* Устьице — устье, наружное отверстие русской печи.

посадит на высоченную ель, свяжет да так и оставит. Сиди, остывай!

Уж как его народ ублажал! Со всей деревни, бывало, сбор сделают, — кто пирог с окунем даст, кто яйца, кто шаньги вынесет, кто ещё что, и, как солнце зайдёт, отнесут всё в лес. На осиновый пень положат и прокричат три раза:

— Покушай, Висел! (Это лешака так звали). Ешь на здоровье, только нас не трогай!

А лешему что! Придёт, съест и опять за свои забавы примется.

Долго думали люди, как им от лешака избавиться, и надумали — надо идти к Пере-богатырю, просить у него помощи.

Мрачнее, чем Кама-река в непогоду, стал Пера-богатырь. Надел тёплый совик*, взял лук со стрелами, привязал покрепче свои трёхсаженные лыжи и пошёл в лес. Сразиться с лешаком решил.

Соседи говорят:

— Ты только по его дороге не ходи. Не прощает он того, кто по его дороге ходит.

— И огонь возле его дороги не разводи. Не дозволяет он.

— И зверя никакого не стреляй. Где его дорога, там он над всем зверьём хозяин.

— Ты, смотри, не ложись на его дороге. Он увидит — убьёт.

Пера всех их слушает, а своё думает:

„Если дорогу лешака стороной обходить, так как же я с ним встречусь?“

И прямо свернул на дорогу Висела-лешака. Развёл костёр-нодью и улёгся рядом. Лежит, греется, ждёт, что будет.

Только солнце за лесом скрылось, задул север-ветер, рвёт с деревьев листву, гнёт стволы к земле. Тут и сам

---

* **Совик** — одежда из звериных шкур шерстью наружу, с капюшоном.

Висел-лешак появился — ростом с высокую сосну, лицо что колесо от телеги, бровей нет.

— Уходи с моей дороги! — кричит страшным голосом.

— Никуда я не уйду, — говорит Пера-богатырь. — Мне и здесь не плохо. Не мешай мне, я спать хочу.

— Не уйдёшь добром, будем тогда силой мериться. Ты меня осилишь — твоя дорога, ты на ней хозяин. Я осилю тебя — за мной дорога останется, и уж не ступать тебе больше по этой дороге.

— Что ж, я согласен, — говорит Пера.

Выдернул лешак молодую берёзку, обломал с двух концов.

— Вот, — говорит, — на этой дубинке будем силу нашу мерить.

Уселись они друг против друга, взялись каждый за свой конец и давай тянуть, каждый в свою сторону — кто кого перетянет.

Пера хоть и богатырь, а лешак, конечно, посильнее был. Зато Пера — похитрее. Он свой поясной ремешок за пень зацепил. Лешак тянет, тянет, а перетянуть Перу не может.

Уж и пень стал трещать, а Пера держится.

Леший услышал треск и спрашивает:

— Что это, Пера, у тебя трещит? Может косточки твои похрустывают?

— Да нет, — Пера говорит, — это сила в меня входит, меня распирает.

Испугался лешак.

— Да, видать, силён ты, Пера, не одолеть мне тебя. Ходи по моей дороге сколько хочешь, и зверьё, и птица пусть твои будут. А сейчас давай спать. Притомился я что-то.

— Спать так спать, — говорит Пера.

— Только ведь я сплю так, что от моего храпа земля дрожит, чёрный лес шатается, а из ноздрей искры сыплются. Не побоишься меня?

— А что мне бояться? — говорит Пера. — Я как

дубовая чурка сплю, меня хоть буди, хоть не буди — ничего не слышу, с боку на бок не повернусь.

Ну, подбросили они ещё веток в костёр и улеглись по обе стороны огня.

Уснул лешак. И верно — от его храпа искры сыплются, деревья качаются.

А Пера не спит. Встал он, разыскал кряж побольше и положил на то место, где сам лежал, а сверху свой совик меховой накинул. Потом отошёл от огня и спрятался за деревом. Лук и стрелы наготове держит.

Недолго спал лешак. Открыл он один глаз, другой, видит — лежит-спит Пера, совиком с головой покрылся. Окликнул его лешак — не отвечает.

„Верно ведь, как чурка спит“.

Тогда встал лешак, взял своё копьё и в огонь сунул. И когда раскалилось оно докрасна, размахнулся и вонзил копьё в деревянную колоду.

— Получай, — говорит. — Больше по моей дороге не пойдёшь.

— Пойду, — отозвался Пера и спустил стрелу прямо в грудь лешему.

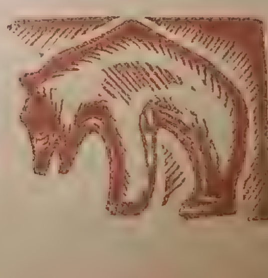
Зашатался леший, закричал, завыл и бросился бежать.

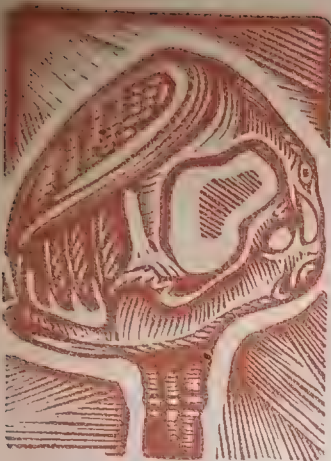
И уж так далеко убежал, что никто его никогда не видел.

И дорога его в лесу стала свободная.

И людей он больше не тревожил.

Да и другие лешие стали людей остерегаться.

КАК ПЕРА-БОГАТЫРЬ НА ВОЙНУ ХОДИЛ

ПРО Перу-богатыря много чего рассказывают.

Случилось однажды, что сильный враг напал на русскую землю. К самой Перми подошёл. И кто против войска вражьего ни выйдет, того машиной побивает. Было у них такое убойное колесо. В какую сторону ни покатит, всех наповал уложит. Сечёт и давит идолищево колесо и народ и воинство наше. Пермяки на вражью силу и брёвна сбрасывали, и порохом поджигали, да всё без проку. Катит себе колесо и катит.

Ну, пермский князь, конечно, расстроился.

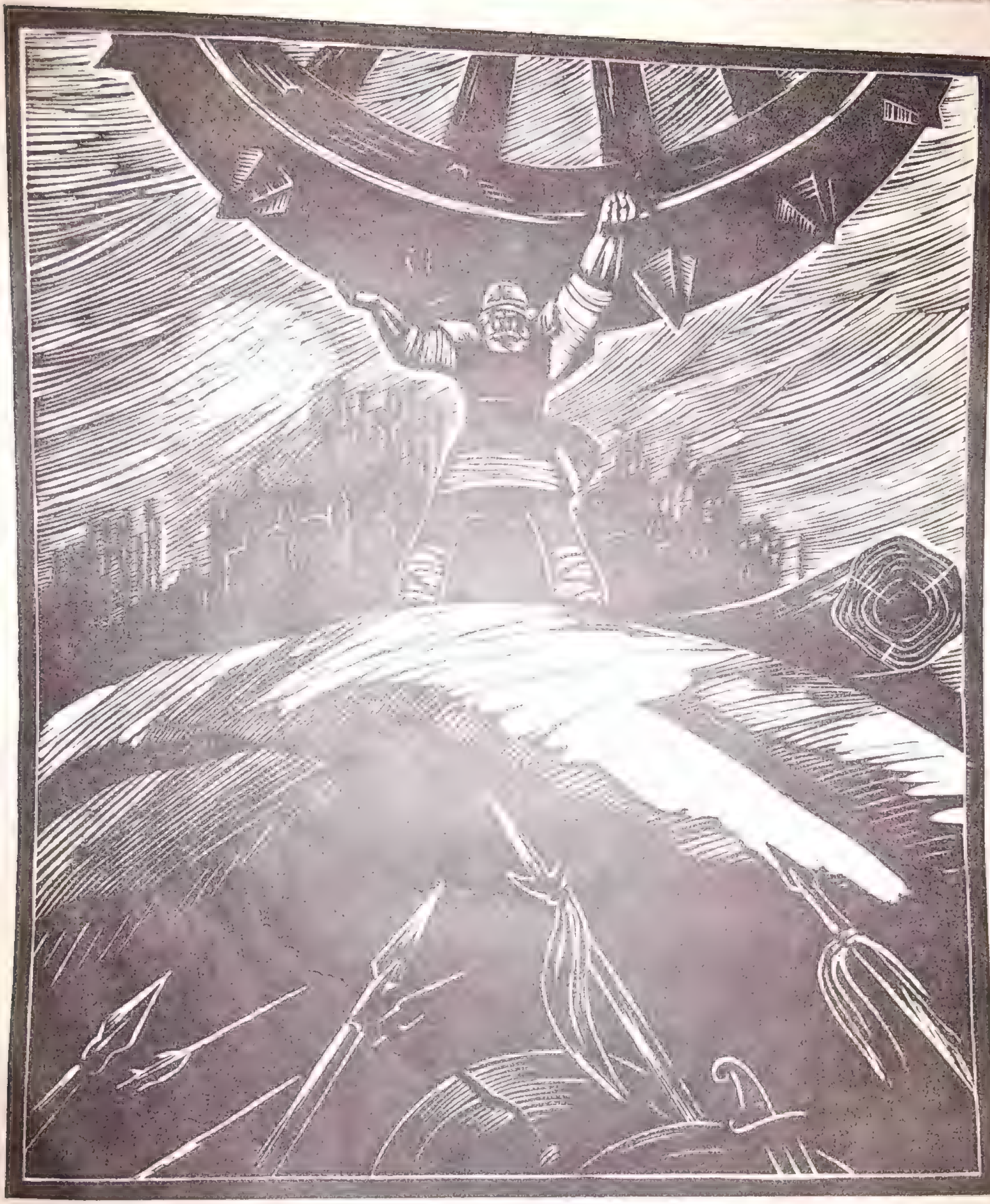
А в войске у него служил брат Перы — Мизя. Тоже богатырь был славный, только с Перой не сравнить.

Пошёл он к князю и говорит:

— Надо брата моего Перу позвать. Он-то врага осилит. Медведь того не сделает, что он одной рукой сделать может. Какой-то хозяин собрал брёвна для целого сруба. А Пера на него в обиде был. Так он ночью все брёвна, будто охапку хвороста, унёс и спрятал. Хозяин утром встаёт, смотрит, а на том месте, где были брёвна — пусто. Голое место, будто на нём ничего и не было. А то срубит Пера сырого леса на двенадцать саней и разом домой принесёт. Могутный богатырь!

Князь как услышал про это, тут же приказал Мизе ехать за братом. Да ещё выдал Мизе грамоту за своей печатью, чтобы весь путь везли его на трёх самых лучших лошадях.

А Пера-богатырь живёт себе в лесу и ни о чём не ведает. На охоту ходит, зверя всякого стреляет.

Вернулся он как-то домой, и вдруг едет-гремит брат его Мизя.

Издалека, осторожно повёл разговор Мизя.

— Всё охотишься, брат? — спрашивает.

— А что же мне ещё делать? — говорит Пера. — Да вот охотничье снаряжение у меня такое, что только мышей ловить. Совсем в негодность пришло.

Брат-то не зря про охоту разговор завёл. Знает, чем Перу взять.

— Слушай, Пера, — говорит он, — хочешь сети шёлковые на птиц и зверя, хочешь ружьё, да не простое, аглицкое?

— Да кто же мне даст? — удивляется Пера.

— Сам князь пермский даст. По́мочи он от тебя ждёт. За тем и меня послал. Одолевает его войско вражье. Чуть-чуть Пермь не забрали.

Услышал про это Пера-богатырь и нахмурился.

— Что же ты мне сразу не сказал? Пойдём, брат, Пермь спасать. Как не защитить родную землю!

— А не побоишься на войну итти?

— Это я-то побоюсь? Нет, не такой я человек!

— Ну, так садись в повозку, поедем!

— А я на своих лямпах пойду. Ещё перегоню тебя.

— Так как же я тебя искать буду? — спрашивает Мизя.

— По лямпам найдёшь. У какого дома стоят мои лямпы, там, значит, и я.

Встал Пера на свои лямпы, — а лямпы у него трёхсаженные, — и помчался словно стрела из лука пущенная. Его и ветер не догонит.

Мизя за ним на своей тройке торопится. Да разве за ним угнаться!

Приехал он в город, стал Перу искать. Видит, возле какого-то дома лыжи стоят — один конец в землю упирается, другой конец выше крыши торчит. Перовы это лыжи. Значит и Пера здесь.

Только Пера не стал его дожидаться. Как был, с голыми руками, на неприятеля пошёл.

Окружила его вражья сила, кричат все, грозятся, пики-штыки на него направили.

Ничего у Перы в руках нет, кроме силы его могутной. Да только и ему двумя руками не справиться с целым войском. Огляделся Пера. Видит — неподалёку изба стоит. Выдернул он снизу одно бревно — потолще, потяжелее — и давай им размахивать. Где махнёт — там головы и летят. Смахнул Пера всех с дороги. Глядит — прямо на него катит колесо человекоубойное. А колесом Идолище правит.

Схватил Пера колесо обеими руками и как шваркнет об землю — одни только щепки по сторонам разлетелись, а от Идолища и следа не осталось.

Тут и войне конец пришёл.

Всё русское воинство хвалу воздаёт Пере-богатырю.

— Ура! Ура! — кричат со всех сторон.

Повели Перу к самому князю.

— Вот смотри, вот он наш избавитель! — говорят.

Угощают его заморскими кушаньями, славят его, на пуховую постель укладывают. Только не по душе ему такое житьё. Скучает он по лесу.

Не знает князь, чем Перу порадовать, как отблагодарить.

— Проси у меня, что хочешь, — говорит. — Хочешь золота, хочешь мехом одарю...

— Золото мне ни к чему, — говорит Пера, — а зверя я и сам наловлю. Мне бы только лесовать на свободе в родных местах.

— Ну, коли так, — говорит князь, — прими от меня шёлковую сеть на куниц и на всякое другое зверьё. С ней тебе всегда удача будет. И даю тебе во владение столько леса, сколько скажешь,

С тем и вернулся Пера-богатырь домой. Никто ему теперь лесовать не мешает. Хвоя пихтовая, изголовье берёзовое — его мягкая постель, нодья сосновая — его очаг. И ничего-то ему больше не надо. Ведь не ради княжеских подарков ходил он воевать, а по своей воле, — чтобы силу свою проверить, вражье войско с родной земли прогнать.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК
ЯГ-МОРТ

БЫЛО у одного охотника три сына. Вот пошёл как-то отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить.

Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий.

Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

Мороз как на зло крепкий, сварить мясо не на чем, спать холодно.

— Давайте жребий кидать, — говорит отец сыновьям. — Кому выпадет, тот и пойдёт домой за огнём.

А дом далеко, и снегу выше колен навалило.

Младший сын говорит:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю — нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой итти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый, — говорит, — хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую ёлку, смотрит вправо-влево, смотрит вперёд-назад и видит — далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонёк.

Слез он с дерева и говорит братьям:

— Вон там-то и там-то огонь светится — верно, жильё есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится вдалеке огонёк.

Спустились на землю и стали спорить, кому за огнём итти.

Отец говорит:

И дальше пошёл.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идёшь? — спрашивает толчея.

— За огнём.

— Не ходи, вернись, а то худо будет, — говорит толчея.

— Без огня ещё хуже, — говорит младший охотников сын.

И дальше пошёл.

Попадаются ему на дороге грабли.

— Ты куда идёшь? — спрашивают грабли.

— За огнём.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь, — говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь, — отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошёл.

Дошёл до избушки, входит, а там сам лесной человек Яг-морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живёшь-поживаешь, добрый человек, — говорит младший охотников сын. — Не пустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришёл. Ты горшок на дороге видел?

— Видел, — говорит младший охотников сын. — И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

— Знаю, — отвечает младший охотников сын. — Горшок — твоя голова, шердын — твоё тулово, грабли — твои руки, толчея — твои ноги. Если не пустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный, — говорит лесной человек. — Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них всё небывалое, а бывалое скажешь, волосы выдеру.

— Ладно, слушай, — говорит младший охотников сын. —

Только если перебьёшь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно, — говорит лесной человек Яг-морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. „Почему же это вы вверх ногами ходите?“ — спрашиваю у них. А они мне говорят: „Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет“. А я им и говорю: „Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы ещё лучше щетины“. Вот потому и пришёл к тебе — волосы у тебя повырывать.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился:

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву, — говорит младший охотников сын. — Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съёжился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Сшил я всем сапоги и пошёл гулять по небу. Вижу — мужик на гумне овёс лопатой веет. А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил верёвку и стал той верёвкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные сами за ними идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит. — Никого тут нет!

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, — говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил, — да сколько волос захватил, столько и выдернул.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает:

А младший охотников сын рассказывает:

— Пошёл я как-то на охоту. Дошёл до озера, стою и думаю, как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу — сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, на ниточку привязал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет, — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю — идёт медведь. Поднял я ружьё, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: „Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?" Опустил я ружьё, говорю: „Разведи огонь, замёрз я". А медведь отвечает мне: „Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть". Сел я на медведя, и понёс он меня по лесам, по болотам, через реки, через озёра и к тебе принёс. А ты огня не даёшь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын. — Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-морт.

— Что хочешь, — говорит, — бери, только уведи медведя.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня. — И опять в окно кричит: „Мишка, иди сюда!"

— Ой, не пускай медведя, — плачет леший, — всё тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударишь железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из неё сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружьё самострельное. Всё бери, только оставь живым.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — мне этого мало. Отдай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

— Бери, — говорит леший, — и это бери.

И повёл младшего охотникова сына в свою кла-

довку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? — спрашивает младший охотников сын.

— А это, — говорит лесной человек Яг-морт, — я счёт веду вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, ещё не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял своё простое ружьё на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-морт ещё целебной травы ему даёт.

— Бери, бери, — говорит, — пригодится!

Потом распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня спрятан, — отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался.

Глазам своим не верят братья.

— А ну-ка дай и нам попробовать!

— Что ж, пробуйте, — говорит младший брат. — А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю.

И достаёт из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой — к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-морт с тех пор так и остался без всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

ПРО БЕДНЯКА МОМЭТА И БОГАТОГО БАРИНА

ЖИЛ в деревне один парень. Как его отец с матерью звали — никто не знал. Все его Момэтом величали. Это если человек простоват да себе на уме, с хитрецой, — так его в народе Момэтом зовут, какое бы имя он при рождении ни получил.

Вот как-то шёл Момэт лесом. А лес был барский, а барин был злой и жадный.

Идёт Момэт, не торопится, за плечом у него ружьё, и вдруг видит — притаился под деревом заяц. Как тут охотнику пройти мимо! На то он и охотник, чтобы лесное зверьё стрелять.

Вскинул Момэт ружьё и с одного выстрела подбил зайца.

Подобрал его и дальше пошёл.

„Ну, — думает, — повезло! Не один день сыт буду!“

Только не так уж ему повезло. Как раз поблизости барин гулял и при нём слуги его верные.

Барин кричит:

— Как ты, такой-сякой, смеешь здесь охотиться? Ты что, не знаешь, что лес и звери мои, барские?

Момэт просит его, молит:

— Прости, батюшка-барин, заяц ведь не медведь. Ну, какая ему цена?

— Да я тебя за медведя на всю жизнь в тюрьму бы засадил! — кричит барин. — Про медведя и думать не смей!

— Не смею, барин, не смею! На своей корове увижу медведя — и то не трону. А уж зайца прости мне!

— Не прощу! — твердит барин. — Эй! — приказыва-

ет он слугам. — Ведите этого вора в город. Пусть его строгим судом судят.

Схватили барские слуги Момэта и потащили в город на суд-расправу. И вышло ему наказание: за то, что убил зайца в барском лесу, сидеть ему в тюрьме два года.

Видать, там, где лес барский, там и закон барский.

Отсидел Момэт положенный срок и когда-некогда вернулся домой.

Живёт он и радуется, а пришло время — взял ружьё и на охоту собрался. Чтобы дорогу сократить, решил он через барский лес итти. О том, чтобы в барском лесу охотиться, Момэт и думать не смеет. По сторонам смотреть — и то боится. Узнал, каков барский суд.

И вдруг слышит Момэт — ну не своим голосом кричит кто-то, на помощь зовёт. Побежал он на этот крик и видит: лежит на земле барин, а над ним медведь. Огромный, страшный. Пасть разинул, одной лапой придавил барина, а другую над ним занёс.

— Спаси, Момэт, голубчик! — просит барин. — Стреляй скорее! Вот уж повезло мне, что ты мимо шёл!

Повезло, да не очень. Не хочет Момэт стрелять.

— Что ты, барин, — говорит Момэт. — Ты ведь сам грозил, что за медведя на всю жизнь в тюрьму засадишь. И лес — твой. И медведь — твой. Не смею я здесь стрелять.

— Да я тебе век благодарен буду, — чуть не плачет барин. — Стреляй скорее! Избавь от смерти!

— Нет, барин, никак мне нельзя стрелять, — говорит Момэт. — Не могу я твой приказ нарушить. Я твоего медведя пальцем тронуть не смею, не то что застрелить.

Сказал — и пошёл своей дорогой.

А барину тут и конец настал.

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

ЖИЛ когда-то мужик. Плохое у него было житьё-бытьё-богачество, — ни кола, ни двора, ни щей в горшке, ни шапки на голове.

Вот и посоветовали ему добрые люди написать царю. Царь, говорят, милостивый. Он и пожалеет, и помощь окажет.

Пошёл мужик к писарю.

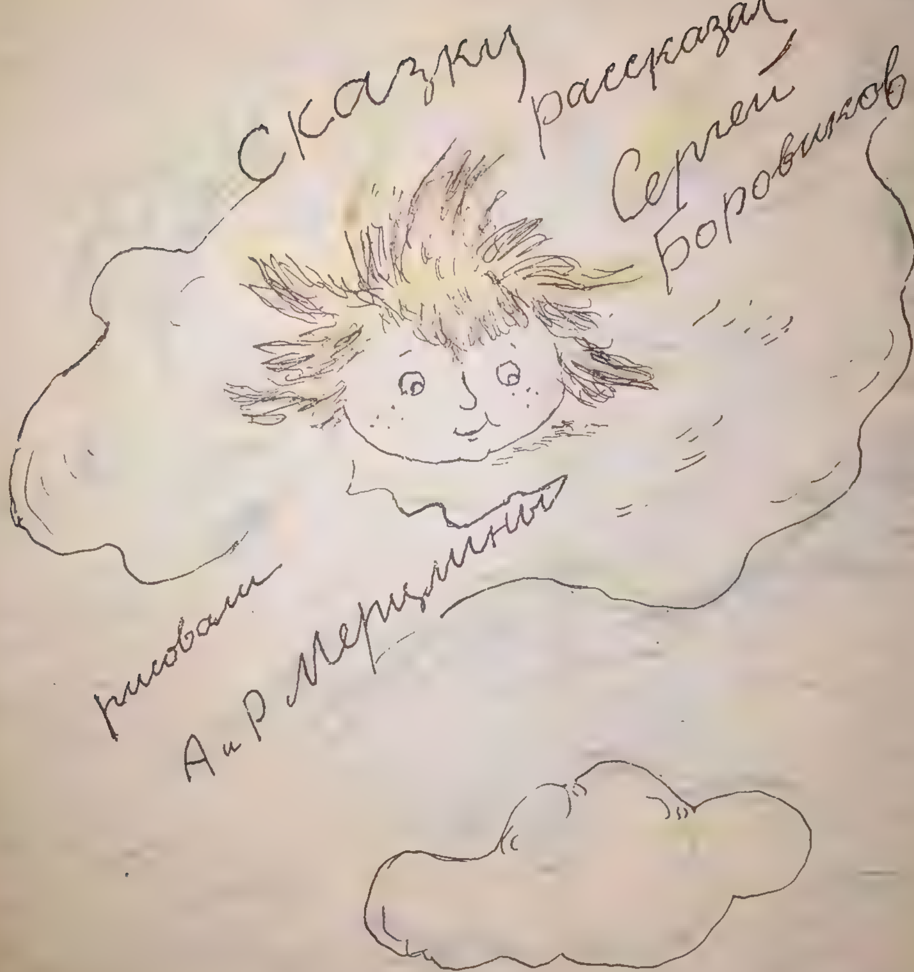
— Пиши, — говорит, — так, мол, и так, царь-батюшка! Низко тебе кланяюсь и прошу твоей милости. У меня, у мужика безродного, жизнь что-то чересчур плохая. Работаю день и ночь, а живот всё ни сыт, ни голоден. Будь мне отцом родным, окажи милость, награди чем-нибудь от своих щедрот, чтобы и моё горькое сердце стало хоть немножко весёлым.

Получил царь мужиково прошение и даже прослезился. Собрал всех своих министров и говорит:

— Надо мужику милость оказать. Да вот беда — не знаю, чем его сердце развеселить. В жизни своей я ни одного мужика не видел. Как думаете, господа министры, не послать ли ему новый суконный кафтан с позументами и сапоги с галошами?

— Что вы, что вы, ваше величество! — говорят министры и даже руками замахали. — Мужик кроме дырявого зипуна да стоптанных лаптей ничего не носит. А про сапоги и слыхом не слыхал, он даже не знает, как их надевать.

— Вот досада, — говорит царь и головой покачал. —

Сказку рассказал Сергей Боровиков
рисовали А и Р Мерзлины

Даниле

Одна девочка выпала из самолёта. Да-да, бывает, что даже большие дети балуются в самолёте, а проводник плохо закроет дверь, и они падают вниз. Я тебе ещё расскажу о мальчике, который упал на спину большого орла, и тот унёс его в горы Гималаи, и о другом мальчике, поменьше и таком худом, что его подхватил ветер, и летал худой мальчик по всему небу очень долго, пока ветер не устал и не бросил его в речку, хорошо, что мальчик умел плавать.

Но об этом в другой раз, а сейчас я уже начал про девочку. Если лучше сказать, не девочку, а девчонку. Девчонку-дурочку. Ведь умные девочки не бегают сломя голову по самолёту, а сидят рядом с мамой и смотрят в окно, которое в самолёте называется иллюминатор, как внизу плывут нежные, пушистые облака, такие пушистые и на вид мягкие, что на них хочется полежать. Вот она и полежала.

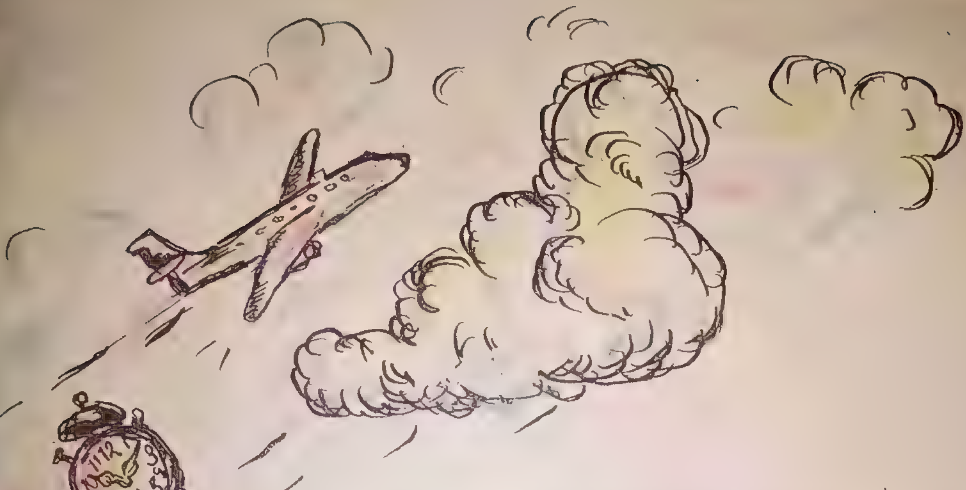

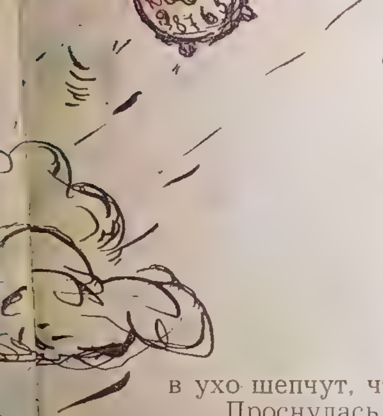
Лежит и ничего не понимает. Только что была в самолёте, и вот лежит на мягком, пушистом облаке и не знает, что ей делать. Первым делом она заревела. Ой-ой-ой! — закричала и заорала, но скоро замолчала, потому что вы, дети, плачете и кричите, когда рядом кто-то есть, родители или бабушка, а будете вы плакать, когда на вас никто не смотрит? Нет, конечно, что вы, глупые? Вот и девочка не совсем была глупая и плакать дальше не стала. Стала осматриваться.

Облако было большое. Такое длинное, что краёв его не было видно. Над облаком было небо и далеко-далеко улетал серебристый самолёт, в котором сидела мама девочки. Тут девочка заревела снова, уже по-настоящему, потому что поняла, что осталась совсем одна и кругом небо, а когда будет ночь, станет темно и совсем уж страшно и одиноко.

Ревёт она себе, ревёт, представляет, как ей страшно будет в темноте, и вдруг чувствует, что куда-то опускается. А дело в том, что девчонка много пролила горячих слёз, и облако вокруг неё стало понемногу растаивать, и она стала спускаться. Э-э! — подумала девчонка, — так я совсем провалюсь насквозь и полечу вверх тормашками на землю. Надо не реветь, а что-то делать. Стала она потихонечку в облаке шевелиться, чтобы наверх вылезти, но ведь сами понимаете, облако очень мягкое, мягче ваты, пуха и пены, и нашей девочке выбраться наверх не удалось. Загрустила она ещё больше.

Плакать — нельзя. Кричать бесполезно, куда деваться? И от большого огорчения девочка, как это со всеми вами бывает, заснула. И снится ей сон. Никуда она не падает, а летит с мамой в самолёте, но прилетает не в город, где они живут, а в какой-то волшебный лес, деревья там маленькие, и реки как ручейки, и озёра не больше лужицы, и живут там маленькие весёлые человечки, очень ловкие и весёлые, и встречают девочку и приглашают в гости.

А девочка думает: как же я в их маленький домик влезу — сломаю ведь, а человечки на неё забираются и шепчут: не бойся, не бойся, мы тебе поможем. И так они щекотно это делают, так своими маленькими губёшками в ухо шепчут, что девочка стала смеяться. И от смеха проснулась.

Проснулась и слышит: не бойся, не бойся, мы тебе поможем. И опять щекотно в ушах. Вот сон, думает девочка, никак не уходит, смешной какой! Открывает глаза и видит, что стоят рядом с ней два маленьких человечка в красных и синих штанишках, улыбаются и в ладошки хлопают.

— Вы кто? — спросила девочка.

— Мы — тучатки,— сказали человечки и первым делом стали девочку учить ходить по облаку. Оказалось, это не очень трудно.

— Куда вы меня ведёте? — спросила девочка.

— В город ведём,— пропищали тучатки,— в наш замечательный город.

Увидела девочка город и ахнула: маленькие аккуратные домишки, красные, коричневые, зелёные. У домов скамеечки, а на них сидят маленькие человечки. Площадки, а на них человечки бегают, играют в мяч и даже дерутся боксом.

— Ах-ах! — сказала девочка.— Как у вас здесь хорошо, и как вы только здесь оказались, и откуда эти ваши замечательные домишки и скамеечки? И почему у вас на поясе такие хорошенькие остренькие сабельки? А зачем у вас в руках такие удобные сумочки?

И человечки рассказали девочке, что когда-то давно они жили на севере Европы, в Норвегии, как и все гномики, в лесу, но однажды поднялась страшная буря, и ветер подхватил пенёк, на котором они жили, и поднял высоко в небо.

Долго летали человечки по небу, пока, наконец, не опустились на огромную тучу. Сначала они очень плакали и горевали, но потом привыкли жить на туче и стали называть себя тучатками.

— Хорошо, — сказала девочка,— но как вы построили свой городок, ведь у вас здесь ни кирпичей, ни заводов, ни магазинов, откуда вы взяли все свои замечательные вещи?

— А вот откуда,— сказали тучатки.

Оказывается, на облака и тучи попадает очень много всяких вещей. Из самолётов и вертолётов падают расчёски, коробочки, спички, бумажки, лезвия бритв, проволочки, пробочки, ремешки, верёвочки и ещё многие вещи. И с земли, где полным-полно набросано людьми сломанных или ненужных вещей, забрасывает сильным ветром сюда, на тучу, разные полезные вещи.

Из коробочек тучатки строят себе дома, из спичек — заборы, из проволочек делают мачты и вышки...

— А сабельки, из чего вы делаете сабельки? — нетерпеливо перебила девочка.

— Сабельки мы делаем из зубьев от расчёсок.

К тому же, кроме несъедобных предметов, на облака и тучи падают конфеты, кусочки хлеба, сахара и печенья, колбасы и мяса, паштета и сыра. К сожалению, падают и не очень полезные предметы, особенно окурки. Когда они падают горящие, у тучаток получается дым и пожар, который они тушат каплями, а их очень много внутри каждой тучи, но погасшие окурки тоже очень вредная вещь, во-первых, от них нехороший страшный запах...

— ...а во-вторых,— пропищала тучатка-девочка,—некоторые мальчишки стали учиться курить и их за это наказали.

Да, некоторые отчаянные мальчишки расковыривали огромные окурки и, набрав из них табачку, заворачивали его в бумагу и начинали курить. От этого у них делались бледные лица, изо рта пахло курением, они худели и кашляли. Как только тучатский король узнал про это ужасное дело, он сразу издал указ о том, чтобы тех тучаток, кто курит, переселять на нижнюю тучку.

— А что это за тучка? — спросила девочка.

— О, это очень страшное место, мы тебе расскажем про него, когда ты у нас привыкнешь.

— Но где же, где же я тут у вас помещусь? — воскликнула девочка, когда она влезла на улицу и оказалось, что в тучаткин дом девочка сможет засунуть разве что палец.

— Не огорчайся, что-нибудь придумаем,— пропищали добрые тучатки и повели девочку на главную площадь размером с письменный стол, на которой стоял королевский дворец, огромный, как твой ранец.

— Внимание, внимание! — запищали тучатки.— Внимание и почтение, его величеству уважение!

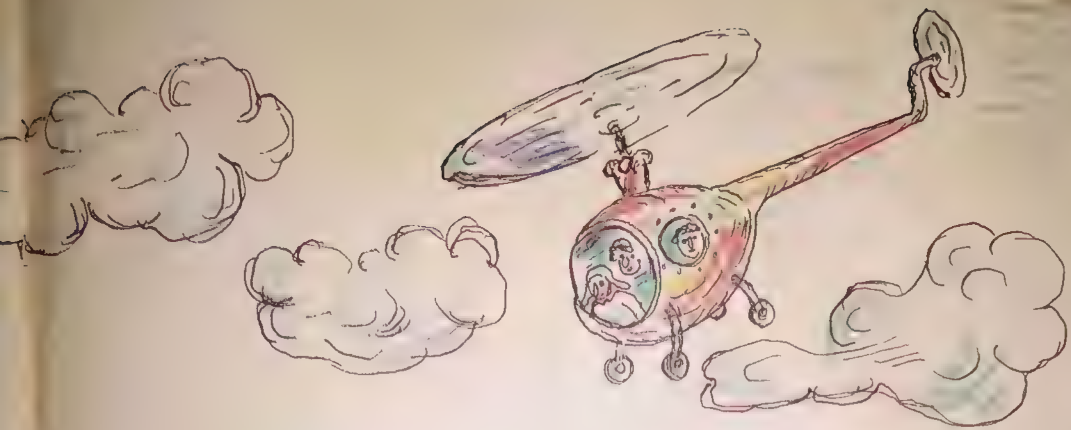
И тут на балкон дворца вылезла фигурка тучатского короля в золотой мантии и блестящей короне, такой маленькой, что ты мог бы надеть её на мизинец.

— Это я,— запищал король,— ваш повелитель и я требую уважения и почтения! И внимания.

— Почтение и уважение. И внимание! — зашептали и запищали тучатки на площади.

А девочке было неудобно, она казалась себе огромной, как гора, и боялась наступить на дворец или какого-нибудь тучатку.

— Ты чувствуешь ко мне уважение и почтение? — спросил король девочку.

— Чувствую,— сказала девочка и вспомнила из сказок, что надо добавить: — Ваше величество!

—Хорошая, хорошая девочка! — пропищал король,— хорошая великая девочка, которую я щедро награжу. Да-да! Щедро!

— Щедро, щедро! — зашелестели тучатки.

— Ты хорошая великанша и достойна того, чтобы я устроил на тебе свою опочивальню. Ты хорошая толстенькая девочка и спать на тебе будет мягко. Только помни: это великая честь.

— Великая, великая,— подтвердили тучатки.

Забарабанили и зазвенели маленькие серебряные и золотые барабанчики и колокольчики, сделанные из упавших серебряных и золотых монеток, и из дворца вышли солдатики и стали показывать девочке, чтобы она улеглась. Это ей, конечно, не очень понравилось, но она решила их пока слушаться и легла на облако, чуть не раздавив при этом десятка два тучаток, которые столпились на королевской площади. Они с писком выскочили из-под девочки, которая улеглась на спину и тут же об этом пожалела.

— Не шевелиться! Не шевелиться! — запищали тучатки-солдатики.— Покой его величества! Покой и уважение! Он требует!

— Он требует, он требует,— подтвердила толпа тучаток.

Рабочие забегали по девочке, устанавливая розовую кровать под голубым балдахином, стульчики, зеркала и прочие предметы королевской опочивальни.

— Ваше величество, я голодна, прикажите дать мне поесть,— прошептала девочка как можно тише, чтобы не испугать и не рассердить короля.

— Открыть второй склад Его величества,— приказал толстенький тучатка, который был главным министром короля.

Краем глаза девочка видела, как тучатки-рабочие подбежали к большой коробке из-под обуви, в которой были вырезаны дверцы, и выкатили оттуда несколько маленьких тележек, сделанных из мыльниц. Они же приставили ко рту лежащей девочки лесенку и принялись таскать конфеты

и печенья, которые тучатки собирали по облакам и складывали на складе.

Тем временем стало темнеть и по облакам побежали разноцветные, золотые и розовые, тени, солнце перевернулось и улетело вниз, к земле.

Вокруг лежащей на королевской площади девочки забегали тучатки с маленькими блестящими трубами (сделанными из колпачков от авторучек) и задули в них тоненько-тоненько:

— Спать! Спать! Он требует покоя!

— Он требует покоя,— зашептал весь тучатский город.

— И уважения! — ту-ту-ту!

— И уважения, и уважения,— разнеслось по всей туче.

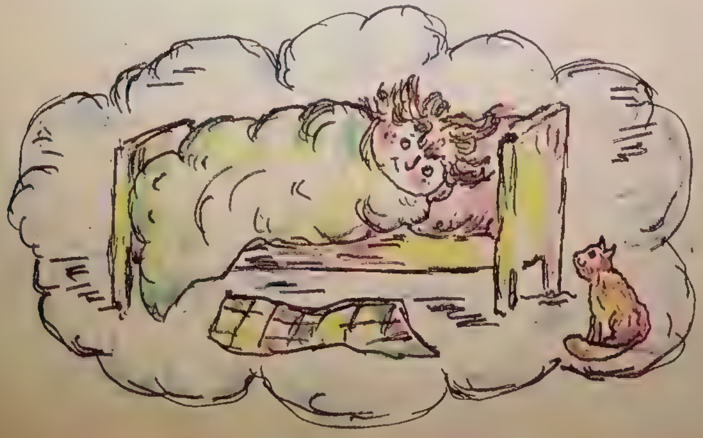
Девочка почувствовала, как по ней протопали ножки короля и свиты, и очень огорчилась: неужели она на всю жизнь так и останется в роли подставки для королевской спальни! Она ещё не знала, что по всему небу летают вертолёты с прожекторами и разыскивают её. Когда самолёт с мамой прилетел на аэродром и обнаружилось, что в самолёте девочки нет, и на землю она не падала, и все стали плакать и горевать, главный самолётный начальник закричал: «Я найду её!» — и послал двенадцать вертолётов с прожекторами, а главное, с искательными собаками на поиски девочки.

Ты не знаешь, что это за собаки? Очень просто. Есть собака водолаз, которая ищет и спасает людей в воде. Есть собака, которая ищет и спасает людей в снежных горах. А есть ещё собаки, которые ищут и спасают людей на облаках. Они сидят в вертолёте, высунув морду в окошко, на спине у них привязан парашют. Вертолёт летит над тучами и облаками, и как только собаки почуют человека или увидят его, они лают: «Тяв-ряв-гав — готов к работе!». И прыгают вниз.

Так вот, по небу уже летели вертолёты с собаками и прожекторами, но девочка этого не знала.

А король тем временем улёгся на свою розовую кроватку и укрылся одеяльцем, сделанным из носового платка одного негритянского короля из Африки, который уронил платок, когда летел на самолёте из Европы в свою Африку. А придворные стояли вокруг кроватки и махали веерами, сделанными из перьев и пуха птиц, навевая королю свежий ветерок, как он любил. И у старшей фрейлины от веера оторвалась пушинка, и влетела в ноздрю девочки, и она чихнула: «А-пачихы!».

Что тут началось! Розовая кроватка с позолотой перевернулась, король вылетел из неё и закричал, солдаты-тучатки подняли тревогу: «Поку-

ние на его величество!». Как вдруг небо над ними осветилось ярким светом и раздался громкий лай.

— Ая-яй! — в ужасе закричали тучатки и принялись разбегаться в разные стороны.

Напрасно король пищал, что он требует защиты и уважения. Очень страшно было видеть, как с неба спускаются на парашютах огромные лохматые псы и ползут по облаку прямо к городу и королевской площади. Это было так страшно, что множество тучаток попрыгали с облака вниз.

А собаки привязали девочку ремнями, лизнули её в щёки, нос и даже губы, чтобы убедиться, что она жива и здорова, протявкали: тяв-ряв-гав, и за тросы, привязанные к парашютам, лётчики вытянули их наверх.

И девочка улетела домой и очень потом горевала, что не успела посадить себе в карман платья хотя бы одного тучатку, чтобы тот жил у неё дома, где бы она устроила ему игрушечный домик.

Вот и всё.

Что? Ах, тебя интересует, что же стало с тучатками, которые попрыгали вниз? А в это время туча как раз пролилась дождём, и каждый из тучаток успел нырнуть в пролетавшую мимо дождевую каплю и спуститься в ней на землю. А туча находилась как раз над Норвегией, над тем лесом, где они и жили когда-то. И опять стали жить.

Всё. Ну что ещё? Король?

А король и его солдаты остались жить на туче. Рассказать про них? Нет, я устал. В другой раз.

Дом, который построил Джек

Из английской народной поэзии

Вот дом,
Который построил Джек.

А это пшеница,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это весёлая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот пёс без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это старушка, седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей
строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

КОТЯТА

Два маленьких котёнка поссорились в углу.
Сердитая хозяйка взяла свою метлу

И вымела из кухни дерущихся котят,
Не справившись при этом, кто прав, кто виноват.

А дело было ночью, зимою, в январе.
Два маленьких котёнка озябли на дворе.

Легли они, свернувшись, на камень у крыльца,
Носы уткнули в лапки и стали ждать конца.

Но сжалилась хозяйка и отворила дверь.
— Ну что? — она спросила. — Не ссоритесь теперь?

Прошли они тихонько в свой угол на ночлег.
Со шкурки отряхнули холодный, мокрый снег.

И оба перед печкой заснули сладким сном.
А вьюга до рассвета шумела за окном.

ТРИ ЗВЕРОЛОВА

Три смелых зверолова
Охотились в лесах.
Над ними полный месяц
Сиял на небесах.

— Смотрите, это — месяц! —
Зевнув, сказал один.
Другой сказал: — Тарелка!
А третий крикнул: — Блин!

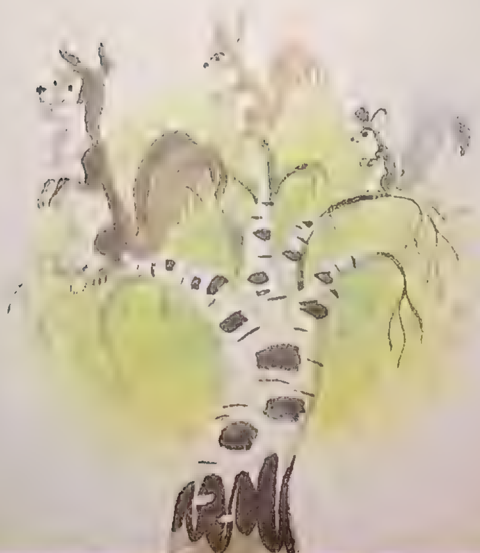

Три смелых зверолова
Бродили целый день,
А вечером навстречу
К ним выбежал олень.

Один сказал: — Ни слова,
В кустарнике олень!
Другой сказал: — Корова!
А третий крикнул: — Пень!

Три смелых зверолова
Сидели под кустом,
А кто-то на берёзе
Помахивал хвостом.

Один воскликнул: — Белка!
Стреляй, чего глядишь!
Другой сказал: — Собака!
А третий крикнул: — Мышь!

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может

Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

ПРИКАЗАЛ БУДЁННЫЙ: НЕ СТРЕЛЯТЬ И «УРА» НЕ КРИЧАТЬ

Наступала весна восемнадцатого года, первая весна после Октябрьской революции. Ночами в степи между Доном и Волгой ещё сильно морозило. А в солнечные дни снег таял и всюду виднелись лужи. В лужах отражалось ясное небо, поэтому вода казалась голубой.

В эту пору большой отряд белого генерала Гнилорыбова напал на станицу Платовскую. Красные хотели отстоять станицу, да не смогли. Враги оказались сильней — у них были пушки и пулемёты. У красных же имелись только шашки, винтовки и револьверы.

Будённый с товарищами покинул родную станицу и отступил к соседнему хутору. Напоили, накормили лошадей и стали думать, что делать дальше.

— Нас всего двадцать четыре человека,— говорили некоторые,— и патронов кот наплакал. А белых-то в станице сотни! Целый полк! Надо нам отступать дальше.

Семён Михайлович Будённый рассудил по-другому:

— В Платовской белые расправляются с нашими семьями. Они убивают всех сторонников Советов. Схватили двоих товарищей из станичного совета, облили керосином и сожгли. Ещё сотни ожидают казни. Кто же их выручит, если не мы? Разве мы трусы? Не отступать, а наступать нужно!

— Да ведь и белые не трусы,— возразили ему,— их больше, они хорошо вооружены. Если будем наступать, то сами погибнем и своих не спасём.

— Правильно,— согласился вдруг Будённый,— в открытом бою так и будет. Только зачем же нам воевать так же, как Гнилорыбов? Зачем наступать в лоб среди бела дня? Ведь мы же партизаны. Пойдём ночью!

— Э, да ведь генерала-то за дурака не стоит считать! Он вокруг станицы, поди, выставил заставы да караулы,— опять возразил тот же голос.

— А мы глупее генерала, что ли?— усмехнулся Будённый.— Тоже кое-что смекаем в военном деле. Все тропки вокруг станицы хожены-перехожены. Ещё в детстве я много укромных дорожек приметил. Не зря, выходит, в казаки-разбойники играл. Проведу отряд мимо всех застав! А там будет решать внезапность и ваша смелость, товарищи.

...К ночи было подготовлено всё: вычищены и заряжены винтовки, отточены клинки. Копыта лошадей обмотали тряпками, чтобы часовые белых не услышали стука.

Когда отряд выехал с хутора, с севера потянуло холодным ветром. Луну затянули лохматые тучи. Стало совсем темно. Но плохая погода радовала партизан: в темноте легче проскользнуть к станице.

Будённый вёл отряд уверенно. Он будто видел в темноте.

Вот и окраина станицы. Отряд остановился. Стояла глухая ночь, в темноте лаяли собаки.

Пошёл мелкий дождь. Это было кстати: шум дождя скрадывал шаги.

— Едем к станичному правлению! — тихо скомандовал Будённый.— Там должен быть их штаб.

Он думал, что штаб охраняется только часовыми. А на площади перед штабом оказалось целых два десятка вооружённых всадников. Здесь же стояли две пушки и четыре повозки с пулемётами.

Ветер качал большой керосиновый фонарь над крыльцом. Дверь штаба была распахнута. В свете фонаря суетились белогвардейцы, выталкивая на улицу связанных между собой людей. Один арестованный споткнулся — и тотчас получил удар нагайкой.

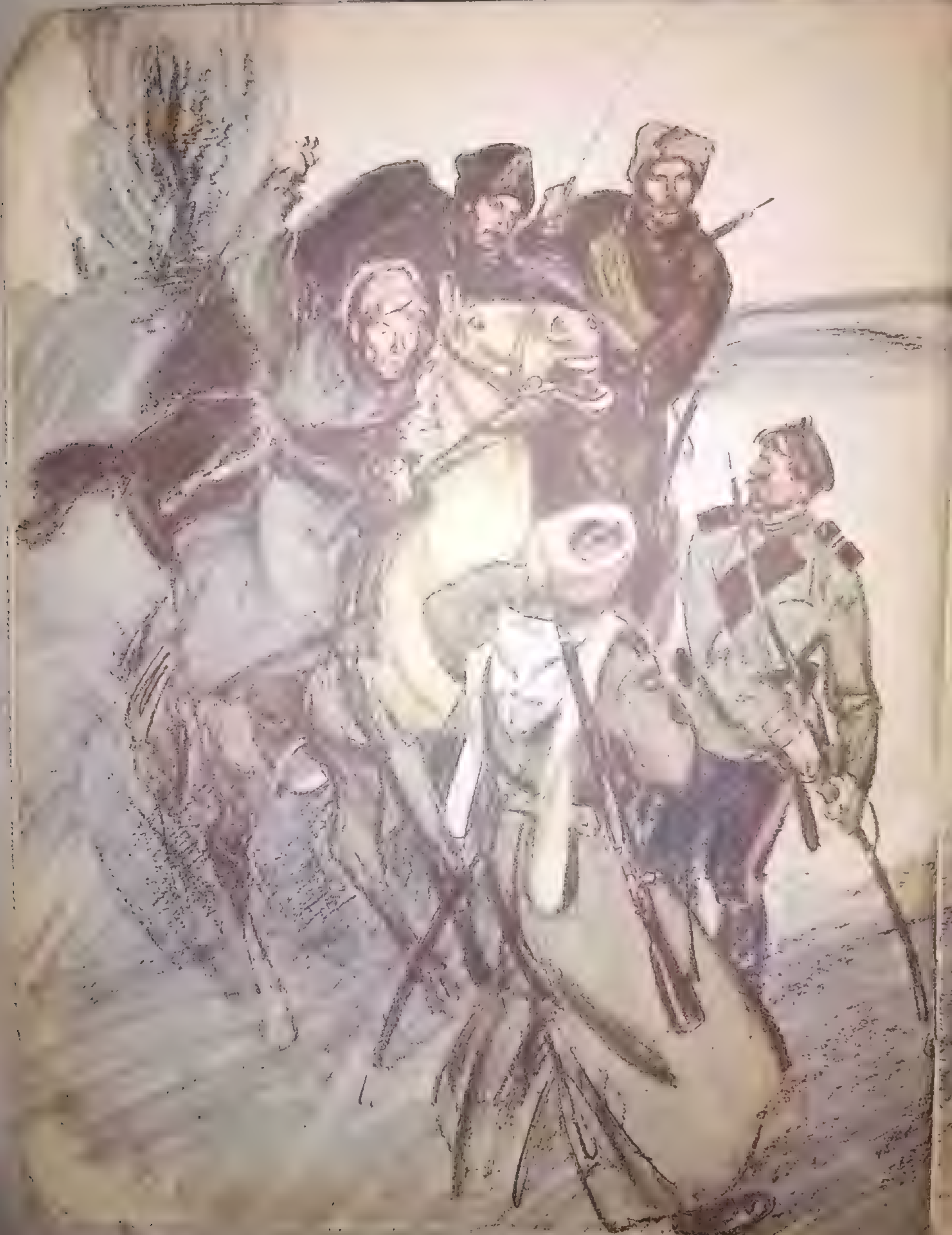
Будённый сразу увидел, что его расчёт на внезапность нападения не оправдался. Перестрелка и крики поднимут на ноги всю станицу. Маленький отряд красных будет окружён и уничтожен.

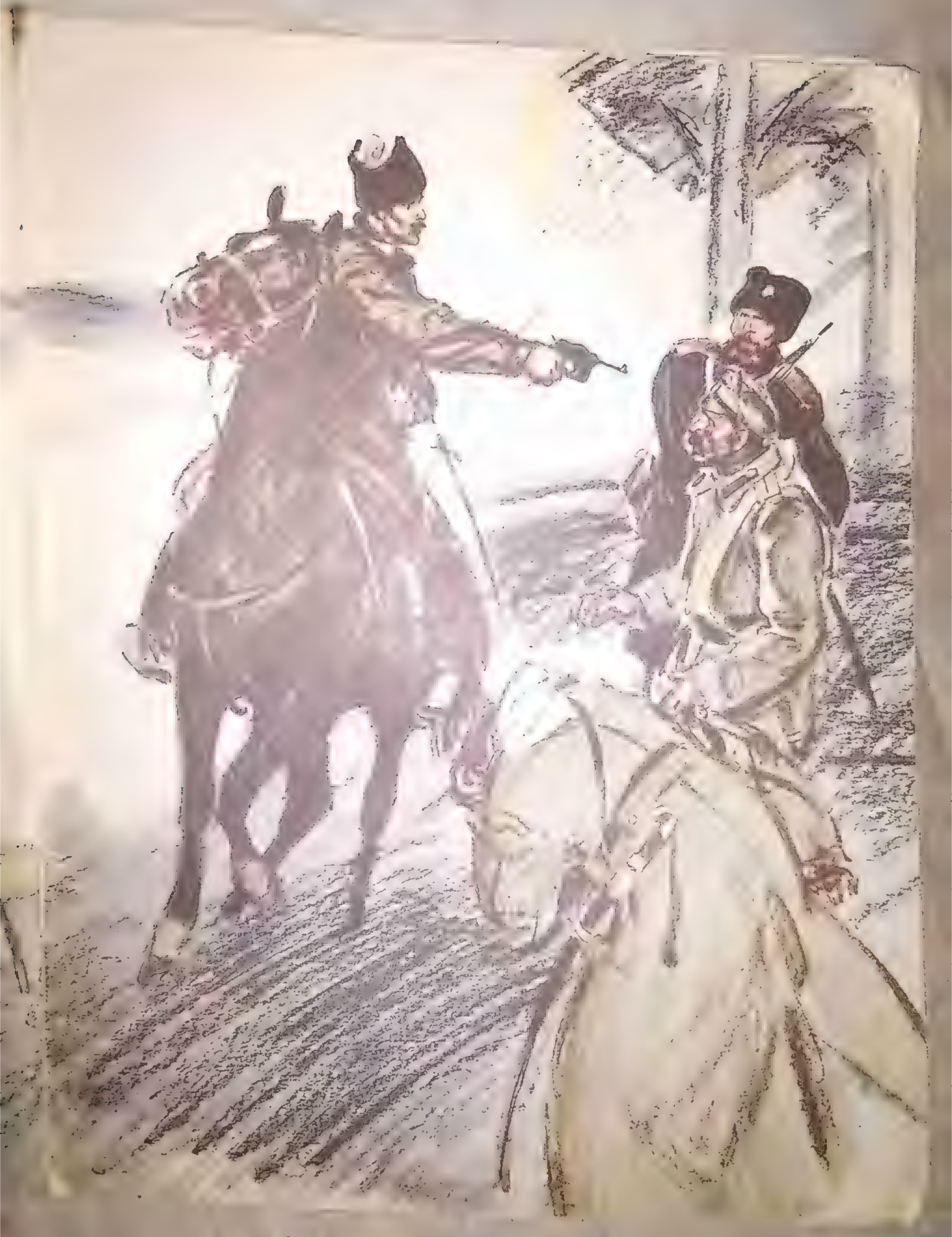
Но не растерялся Будённый. Не таков был. Послышался его приказ:

— Шашки к бою, из винтовок никому не стрелять, «ура!» не кричать. Стрелять буду только я!

И дал шпоры коню. Белые не обратили никакого внимания на партизанский отряд, приняв его в темноте за свой. Будённый подъехал к всадникам с наганом в руке и стал стрелять в упор. Его товарищи, выполняя приказ, молча работали клинками.

Беляки тоже схватились за оружие, стали сопротивляться. Но было уже поздно. Белогвардейский штаб оказался разгромленным.

Партизаны перерезали верёвки и освободили арестованных. Потом сбили замки с подвалов и амбаров. В них томилось несколько сот ожидающих казни людей. Они обнимали и целовали своих спасителей, жали им руки. Некоторые партизаны нашли здесь своих отцов и братьев.

Большинство из освобождённых хотело только одного: немедленно отомстить своим мучителям.

Будённый быстро построил всех, кто хотел сражаться, назначил командиров. Потом велел раздать захваченное при атаке штаба оружие.

Дождь усилился. От этого ночь стала ещё темнее.

— Идите до хат,— приказал Будённый,— бейте беляков шашками и штыками, вяжите сонных, берите в плен. Но не кричите «ура» и не стреляйте. Иначе белогвардейцы могут поднять тревогу. А их тут сотен пять, может, и больше. Тогда победить будет трудно. Ясно?

И партизаны двинулись выполнять приказ. К рассвету с отрядом белых было покончено.

Наутро дождь перестал. Ветер прогнал тучи. Солнце засияло ярко, будто и оно обрадовалось, что станица Платовская снова стала советской.

СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

Борьба между красными и белыми разгоралась. Это была особая война, она не походила на другие войны. Батраки, бедные крестьяне и казаки шли в красные партизаны. А в белые отряды вступали кулаки, зажиточные казаки, помещики, коннозаводчики... Не было на первых порах никакой линии фронта; окопов, заграждений из колючей проволоки тоже не было.

А что же было? Одни хутора и станицы в боях захватывали белые, а другие — красные. И старались отбить их друг у друга.

Как-то вечером Будённый с одним партизаном поехал в разведку, надо было поточнее узнать, где стоят белые, а где наши.

Было это после очередного боя.

В степи — тишина, только копыта лошадей постукивают

да трава шелестит. Даже кузнечики уже не трещат, угомонились.

Подъехали к хутору Жутову. Ночь наступает, ничего не видно. Постояли, послушали — тихо.

— Не нравится мне эта тишина,— шепнул партизан Будённому,— как бы белым в лапы не угодить.

Недоброе предчувствие было и у Будённого, да не мог он из разведки возвращаться ни с чем.

— В крайней хате окошко светится,— ответил он,— спросим у хозяев, что и как.

Поехали. И вдруг прямо во дворе столкнулись с белыми казаками. Попали в ловушку!

В ту пору ещё не было ни красных звёзд, ни будённовских шлемов. Алый бант на груди или ленточка на папахе — и всё. И белые, и красные носили одинаковые шинели. Только винтовки белые надевали через правое плечо, а красные — через левое.

Будённый увидел, что винтовки торчат справа, но поворачивать — означало открыть себя.

— Не теряй головы,— ободряюще шепнул он товарищу,— выдадим себя за белых. Хорошо, что мы ленточки сняли с шапок и винтовки дома оставили.

А сам смело подъехал к казакам и завёл с ними такой разговор:

— Здорово, станишники! Вы, часом, не семьдесят второго полка будете?

Хитрил Семён Михайлович. Он назвал номер полка, находившегося далеко отсюда. А знал он это от пленного.

— Нет тут такого полка,— ответил казачий урядник*. И тут же строго спросил:

— А вы кто такие? Почему ночью по степи шастаете?

— Да вот отбились от полка, а затемно боимся своих догонять. В плен можно угодить. В поле разъезды красных так и рыщут. Пустите переночевать, бога ради.

— Ну, ежели бога ради,— сказал набожный казак и перекрестился,— то и ладно. Слезайте да идите до хаты. Чайку попьём — да на боковую.

За чаем урядник завёл такой разговор:

---

* *Урядниками* в казачьих войсках называли младших командиров.

— Значит, вы будённовских разъездов опасаетесь?

— А как же! Бережёного и бог бережёт.

— И то верно. Однако не так страшен чёрт, как его малюют. Вот в нынешнем бою я чуть в плен не взял самого Будённого. Из рук ушёл.

— Да ну! Не может быть, — воскликнул Будённый, — почему ж не взял-то его?

— У него не конь, а птица: рванул — и был таков.

— Жаль, что не догнал Будённого! — притворно вздохнул Будённый. — Ты бы награду получил, а я хоть бы посмотрел на него.

Ранним утром, ещё до света, красные потихоньку встали и уехали к себе. Вскоре по разведанной дороге Будённый привёл свой полк и окружил хутор. Пулемёты будённовцев грозно смотрели на хутор со всех сторон. Белых было не очень много. К тому же не все хотели воевать, их взяли в белую гвардию насильно, под страхом смерти.

И они без боя сдались будённовцам в плен.

Будённый приказал построить пленных и стал держать речь.

— Почему вы пошли против Советской власти, против таких же, как вы сами, хлеборобов и рабочих? Зачем проливаете братскую кровь? Вас обманули ваши атаманы и генералы. Земли вы хотели? Советы вам её дали. Трудитесь, пожалуйста! Воли? Всё кругом ваше!

Семён Михайлович широко повёл рукой, обводя раскинувшиеся кругом необъятные просторы, залитые жарким степным солнцем.

Пленные стояли, понурив головы. Они хорошо знали, как пытают и расстреливают попавших в плен красноармейцев и партизан. И ожидали суровой расправы.

— Советская власть защищает себя от генералов, помещиков и кулаков, а с трудовым народом она не воюет,— продолжал Будённый.— Кто хочет в Красную Армию — записывайтесь. Проверим в бою. А кто не хочет, пусть идёт до дому, до хаты. Только смотрите: в другой раз пощады не будет!

Потом он легко спрыгнул с коня и пошёл вдоль строя. Тёмные глаза на смуглом лице были внимательны. Он искал того казака, который ночью его чаем угощал.

Нашёл и сказал:

— За приют, за чай спасибо. А вот насчёт того, что ты за мной гнался по степи,— ведь не было этого.

Казак не знал, куда деваться от стыда.

— Каюсь, придумал всё для задору, красного словца ради. Я в том бою и близко тебя не видал.

— То-то же, станишник! Пойдёшь ты с нами или нет — тебе решать. Только бахвалиться больше не надо. Не так просто Будённого заставить своего коня вспять повернуть.

...В громе боёв промелькнули лето и осень. Настала пушистая белая зима. Замело степь, завалило снегом. Под свист ледяного ветра откатились полки врагов революции далеко за степные реки Маныч и Сал. А с началом весны будто растаяли там, в предгорьях Кавказа.

Весной южная степь очень красива. На ярко-зелёной, ещё не успевшей пожухнуть траве, горит множество алых

тюльпанов и маков. В голубом небе весело поют птицы. Казалось бы, жить всем в мире и радоваться красоте земли. И спокойно трудиться на ней.

Но как только солнце высушило дороги, началось новое наступление белых на Южном фронте. Деникин с помощью своих заграничных союзников одел, обул и вооружил целых три армии: Добровольческую, Кавказскую и Донскую. Особенно яростно дралась Добровольческая армия. Она почти целиком состояла из офицеров, решивших с оружием в руках свергнуть Советы.

Начались тяжёлые бои. Будённого трижды ранило. Но с помощью товарищей он всё же садился в седло и продолжал воевать. Полк терял в схватках бойцов, но на их место приходили всё новые и новые.

В мае Семён Михайлович командовал уже целой конной дивизией Красной Армии.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Нужно было срочно помочь нашей пехоте. Конная дивизия Будённого быстро собралась и пошла в дальний поход.

Начиналось лето. Солнце на безоблачном небе горело ослепительно. Степь раскалилась: от земли, как от печки, шёл жар. Трудный это был поход!

Строевому коню приходилось нести не только всадника с оружием. На седло навьючивался запас овса и попона. В перемётные сумы укладывались брезентовые вёдра, торбы, подковы, ковочные гвозди — ухнали́, железные скребницы, шипы и другое снаряжение. Кавалерийское седло с полным вьюком весило четыре пуда*!

Лошади покрепче и повыше четвёрками везли пулемётные тачанки. Самые сильные вшестером волокли пушки.

Да ещё не встречалось по пути ни реки, ни озера. То есть озёра были, но только с горько-солёной водой. Такую воду нельзя даже в пулемёты заливать, не то что

* *Пуд* — старинная русская мера веса, примерно равная 16 килограммам.

пить. Колодцы редки, воды в них мало. И людей, и животных мучила жажда.

Шли на рысях день, поднимая облака пыли, шли ночь... К вечеру другого дня совсем притомились кони и устали люди.

Понял Семён Михайлович: нужно дать дивизии отдых. Лошади хоть травки пощиплют. А люди в это время поспят часок-другой.

Начдив скомандовал:

— Сто-о-ой! Слеза-ай! Всем спать!

К Будённому подошёл начальник штаба. Он встревоженно спросил:

— Как же так «всем спать»? А охрана? Надо выставить заставы и караулы. Иначе нас застанут врасплох.

— Пусть отдыхают все,— ответил Будённый,— я один буду охранять дивизию.

Он показал на древний курган, поросший седыми метёлками ковыля:

— С вершины этого кургана видно на много вёрст кругом. Если появятся белые, я выстрелю из нагана или из пушки. Живо все проснутся!

— А вы-то когда будете отдыхать?

— А я двужильный!

После этих слов Семён Михайлович въехал на вершину высокого кургана.

А бойцы, положив под голову седло, мгновенно заснули богатырским сном. Их стреноженные кони мирно паслись рядом. Они и без всадников держались по эскадронам: рыжие с рыжими, вороные с вороными, караковые с караковыми...

...Будённый на своём донском коне Казбеке с вершины кургана всматривался в горизонт.

Всюду было тихо, спокойно. Только суслики свистели да слышался богатырский храп усталых бойцов...

ХИТРОСТЬ — В БОЮ ПОМОЩНИК

Белогвардейцам удалось захватить Ростов-на-Дону, Царицын на Волге. Они овладели угольными шахтами Донбасса. Республика Советов осталась почти без топлива. Разорённые войной железные дороги работали плохо. Поезда с патронами и снарядами для Красной Армии часто не приходили вовремя.

Однажды Будённый увидел далеко в степи отряд белых. Своими зоркими, как у орла, глазами начдив и без бинокля определил: отряд сильный, большой. А в бинокль разглядел и пушки, и обоз, и дымящие на ходу полевые кухни.

Захотелось напасть на эту колонну, разгромить отряд. И, конечно, захватить пушки и обоз с боеприпасами. Задумался Будённый: как это сделать?

Тут подъехал один из командиров полков и доложил:

— В полку патроны кончились.

— Из тыла не подвезли боеприпасы,— с досадой ответил Семён Михайлович,— а у меня патронного завода нет. Во-он обоз пылит! Захвати его, товарищ Гончаров, и будешь с патронами.

И, чтобы подзадорить командира, добавил:

— У них, наверно, и обед уже сварился. Хорошо бы сейчас борща с салом похлебать!

Командир обиделся:

— Да ведь до белых две версты с гаком! А гак тот — ещё верста! Степь голая, плоская, как блин. Пока мы построимся для атаки да до них доскачем, они пушки развернут, из пулемётов в упор врежут. Толку не добьёмся, только людей зря потеряем. Патронного завода у нас и верно нет. Но ведь шапки-невидимки у нас тоже нет!

При этих словах Будённый встрепенулся. Он увидел, что вдали по степи пастухи гонят большое стадо быков. Пыль над стадом стоит столбом.

— Как это нет шапки-невидимки! — сказал он, показав на облако пыли. — Вот она!

И Будённый решил применить военную хитрость и подкрасться к врагу незаметно. Он повёл своих бойцов окольным путём к стаду.

Шли пешком и вели коней под уздцы. Пыль, словно дымовая завеса, скрывала бойцов.

Белые видели стадо, а будённовцев — нет. Когда стадо поравнялось с отрядом белых, Будённый зычно скомандовал:

— Сади-и-ись! Шашки к бою! За мной в атаку, карьером, марш-ма-а-арш!

Как из-под земли налетели будённовцы на врага. Белые не успели сделать ни одного выстрела.

Один выстрел всё же был. Это пустил себе пулю в висок начальник белогвардейцев. В плен он не захотел сдаваться и считал для себя позором, что его так ловко обвёл вокруг пальца Будённый.

А в обозе — Будённый как в воду глядел — оказались и патроны, и снаряды.

ВЗЯТИЕ ВОРОНЕЖА

В поход на Москву Деникин двинул свои лучшие войска. Впереди шла конница генералов Шкуро и Мамонтова. Красные дивизии никак не могли её остановить.

Пал Воронеж. Разъезды белоказаков подходили к Туле.

Не только самоварами славилась Тула — там патроны и пулемёты делали для Красной Армии. Неужели Тула не устоит? А от Тулы до Москвы рукой подать, всего два кавалерийских перехода!

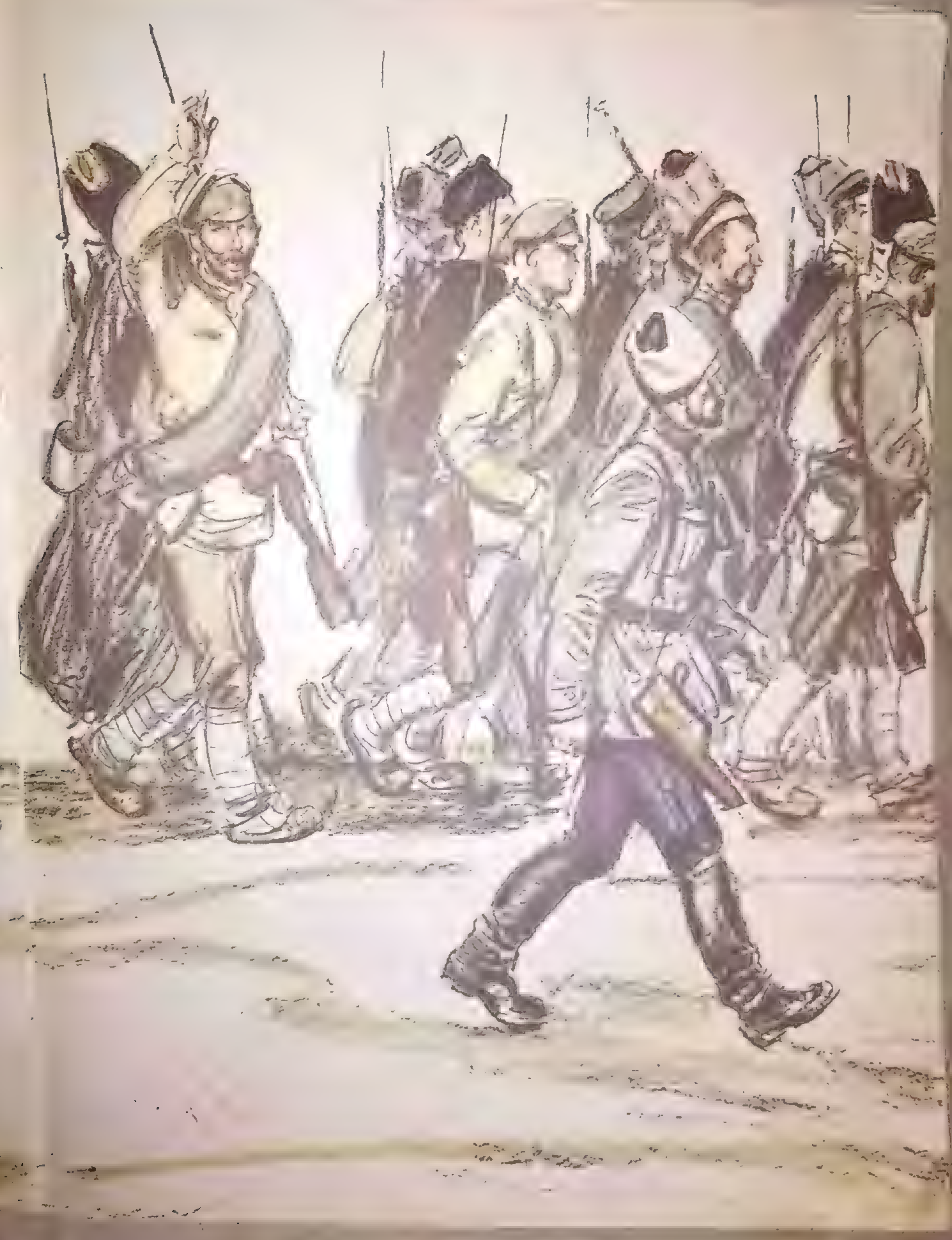
Тревога нарастала.

«Республика в опасности! Все на борьбу с Деникиным!» — призывали большевики. Ленин распорядился: срочно бросить против Шкуро и Мамонтова Красную конницу.

Выполняя приказ, Конный корпус Будённого шёл теперь на Воронеж. Путь неблизкий. Чтобы не терять времени даром, прямо в походе шло обучение бойцов грамоте. На спины едущих впереди вешали плакаты с буквами. От А до Я. Бойцы учили их. Большевистские комиссары понимали: красные конники должны быть не просто удалыми рубаками. Из каждого красноармейца нужно сделать грамотного человека. Чтобы знал, за что воюет и против кого.

На пути часто попадались беженцы. Они были напуганы слухами о Мамонтове и Шкуро. Виселицы, расстрелы, порку шомполами и грабежи — вот что принесла с собой белая гвардия на воронежскую землю.

Один из беженцев рассказал:

— У белых появились английские боевые машины. Танками называются. Они на гусеницах и едут, где хотят. А с каждого борта — по пушке.

Конники переглянулись. Многие из них начали воевать ещё на Германском фронте, в первую мировую войну. Бойцами они были закалёнными, опытными, но про танки и слыхом не слыхивали. В корпусе имелись броневики. В походах их везли на лошадях — не хватало бензина. В бой они шли своим ходом. Но у броневика нет гусениц и пушек.

— Ладно, посмотрим! — Будённый поехал дальше, крепко задумавшись.

Потом негромко спросил у своего помощника Зотова, с которым давно воевал вместе:

— Что же это за штука? Я их в глаза не видел, танки эти.

— Только слыхал о них, что страху много нагоняют, — простуженным басом отозвался тот.

Вдруг они оба остановились и стали внимательно разглядывать землю. Грязь дорожная будто рубцами покрыта. Следы странные — не от колёс, не от сапог и не от копыт.

Будённый рассмотрел следы и забеспокоился:

— А ведь это следы гусениц.

— Следы чудны́е, — согласились кавалеристы, — рубчатые следы! Может, здесь танки прошли? Но разведчики-то молчат.

— Разведка ничего не сообщила. Неужели прозевали танки? — начал горячиться Семён Михайлович. — Сидят разведчики, что ли, по хатам, пьют молоко? Ну, я им покажу! Немедленно нужно взять людей и проехать вперёд, разобраться с этим делом.

Через десять минут посланные вернулись. На их лицах были смущённые улыбки.

— Товарищ Будённый, никаких танков нет. Впереди колонна нашей пехоты идёт. Тоже на Воронеж путь держат. Красноармейцы наши обуты в лапти: сапог на складе не нашлось. Лаптями и сделаны те рубчики на дороге.

— Вот тебе и танки! — расхохотался Будённый.

Танки настоящие встретились будённовцам позднее — на подступах к Ростову-на-Дону и под Каховкой. Бойцы

прозвали их «Таньками» и научились уничтожать.

А сейчас требовалось освободить Воронеж.

Но взять город оказалось трудным делом. Кругом было много речек и речушек с топкими берегами. Пошли холодные осенние дожди. И без того плохие дороги развезло. Воронеж был прикрыт лесами. Нет простора, негде развернуться. Это не степь широкая.

Но главное — в Воронеже засело два корпуса белых. А у Будённого — один!

Будённый собрал командиров и комиссаров.

— Не всегда нужно бросаться вперёд очертя голову,— начал он.— Чтобы вернее победить, иногда приходится и выжидать. После долгого похода требуется перековать лошадей, принять пополнение. А тем временем белые выйдут из города. Мы будем громить врага по частям на воле.

В избе, где собрались красные конники, лежала на столе большая карта местности. В окнах было серо. По стёклам стекали дождевые капли. Чтобы видеть карту, зажгли керосиновую лампу.

— Нам известно, что Деникин отдал приказ о параде белой гвардии на Красной площади. Он видит себя уже в

Кремле! — продолжал Будённый. — Значит, генерал Шкуро очень скоро начнёт наступать.

Он показал на карте, где могут атаковать белые.

— Тут-то мы и встретим врага. Мы должны опрокинуть белогвардейцев и ворваться в город. Но нужно хорошенько всё разведать. Кто пойдёт? — спросил Будённый.

Вызвался Олеко Дундич, один из самых храбрых командиров, бывший сербский офицер. Дундич надел мундир с золотыми офицерскими погонами и поехал верхом. Сумел пробраться в город. Высмотрел, что нужно. Нашёл штаб Шкуро и передал пакет. В пакете было письмо генералу Шкуро, в котором Будённый писал, что собирается взять Воронеж и отплатить белогвардейцам за все их злодеяния.

То ли Шкуро разозлился, получив письмо, то ли по другой причине, но на другой день белые перешли в наступление. Этого и добивался Будённый. Красные конники дрались не на узких улицах, и им не нужно было штурмовать каменные дома: они сражались, как привыкли, — на воле. Одну дивизию Будённый пустил в обход с севера. Вышло так, как он задумал: белые не выдержали и стали отходить.

Преследуя их, красные кавалеристы ворвались в город с двух сторон. Воронеж был взят.

БРОНЕПОЕЗД ИМЕНИ БУДЁННОГО

Разгромили Шкуро. Взяли Воронеж. Приказ Ленина будённовцы выполнили.

Белые начали отступление. Какая там Москва, какой парад! Об этом уже не думали.

Дожди перестали, но нагрянули зимние холода. Наступать стало ещё труднее. По рекам шло студёное «сало» — комья слипшегося льда и снега.

Деникинцы взрывали или сжигали за собой мосты. Но будённовцы шли в ледяную воду. Если брод бывал глубок — выше колёс, то с повозок снимали снаряды. Раздавали бойцам, чтобы не замочить. Бойцы въезжали в воду на лошадях верхом или шли вброд, держа снаряды на плече.

Будённовский корпус получил приказ взять станцию Касторную — важный узел железных дорог.

Наша разведка действовала, но и разведка белых не дремала. Она подкараулила нашего бойца, который вёз из штаба приказ о наступлении на Касторную.

Белые зарубили бойца шашками. Сняли с него сапоги, забрали коня с седлом. Конечно, взяли и пакет с приказом. А в приказе — час начала наступления.

Такая вот случилась беда.

Что делать? Отменить наступление? Нельзя. Приказ должен быть выполнен во что бы то ни стало. Будённый подумал и решил: начать наступление на двенадцать часов раньше срока. Это чтобы белые не успели приготовить всё для обороны Касторной.

А на дворе зима настоящая разыгралась. В бой надо идти, а тут — метель-метелица. Ветер так и продувает насквозь. Не успеешь оглянуться, как побелело ухо или нос. Так и обморозиться недолго.

По рядам шёл приказ Будённого:

— Следить друг за другом. Где побелело — оттирать, пока не отойдёт. Обмороженных не должно быть. Бороться с морозом, как с врагом революции.

Так и шли сквозь метель по занесённым снегом дорогам. Выл ветер, винтом закручивал снежные столбы. Будённый с одним из полков подошёл к небольшой станции. Станция находилась на железной дороге между Касторной и Воронежем.

Белые не ждали нашего наступления раньше срока. Да ещё в такую погоду. Поэтому не успели перевести сюда бронепоезд.

А тут из клубящегося снега выскочили внезапно сотни конников. Станцию взяли без потерь, без единого выстрела.

Несколько бойцов вместе с Будённым спешилось. Через залепленные снегом окна станционного здания можно было рассмотреть телеграфные аппараты и людей, согнувшихся над ними. У Будённого возник неожиданный план.

Будённый с наганом в руке резко толкнул дверь и очутился в комнате.

Телеграфисты так и застыли, скорчившись.

Будённый сурово приказал:

— Немедленно связаться с соседней станцией. Передать, что здесь внезапно появились конные разъезды красных.

Для защиты станции срочно требуется бронепоезд. Да передайте — это приказ генерала Мамонтова.

Через полчаса у платформы станции остановился серый бронепоезд. Бронированный паровоз шипел, словно дракон, и выпускал струи раскалённого пара. На каждом вагоне были башни, а в башнях — пушки и пулемёты. На боках вагонов было выведено название бронепоезда: «Слава офицерам!»

Из первого вагона выскочил начальник бронепоезда в щеголеватом кожаном костюме. Он увидел Будённого, спокойно стоящего на платформе в папахе и косматой бурке.

Приняв его за генерала Мамонтова, офицер подошёл и лихо доложил:

— Господин генерал, бронепоезд «Слава офицерам!» прибыл в ваше распоряжение!

Будённый сделал незаметный знак своим бойцам, чтобы они приготовились ворваться на паровоз и в вагоны. А офицеру сказал:

— Пройдёмте в помещение станции.

Когда они вошли в здание, с улицы донёсся шум и глухие выстрелы.

— На станции неспокойно,— встревожился офицер,— не опоздать бы приготовиться к нападению Будённого!

— Поздновато спохватились.

И Будённый повёл плечом так, что бурка распахнулась. Блеснул в розетке из алого шёлка орден Красного Знамени, полученный за победы под Царицыном, в Поволжье.

Лицо офицера стало белее снега. Он понял, что перед ним — легендарный Будённый.

...Захваченный бронепоезд помог взять Касторную. Назывался он уже по-другому: командование фронта, узнав о подвигах Будённого под Касторной, велело назвать бронепоезд его именем. А Конный корпус вырос в целую армию. Помогать Будённому командовать армией партия назначила комиссара Климента Ефремовича Ворошилова.

С Касторной Конармия двинулась на Ростов.

ДАЁШЬ РОСТОВ!

В Ростов-на-Дону бежали все, кто выступал против Советов. Здесь собрались бывшие хозяева России — помещики, владельцы заводов, министры, генералы. Революция отняла у них и землю, и заводы, и дворцы, и высокие посты. Они только и ждали, когда белогвардейские полки снова пойдут в поход на красную Москву. В ростовских газетах бывшие читали о том, что Первая Конная армия разгромлена и бежит на север. И радостно потирали руки: ждать осталось недолго.

А пока Ростов готовился к встрече нового, тысяча девятьсот двадцатого года. В зеркальных, сияющих разноцветными огнями и серебряными блёстками витринах магазинов стояли ватные снегурочки и румяные Деды Морозы. В парках и по улицам гуляли офицеры с нарядными барышнями. В ресторанах официанты хлопотали около богато накрытых столов, и летели в потолок пробки от шампанского.

А в это время в глухой тёмной степи, заваленной снегом, на морозе и ветру эскадроны Первой Конной бились

с врагом; больше двенадцати часов бойцы не слезали с коней. Многие их товарищи полегли в том жестоком бою. Косяки лошадей без всадников со ржанием носились по степи...

И всё же белогвардейский фронт был прорван. Идти дальше, казалось, уже нет сил. Тогда перед строем бойцов появились два всадника. Будённого и усталость не брала — он был бодр. Только очень волновался и нервно крутился под ним верный Казбек, то и дело приседая и прижимая к затылку уши. Клим Ворошилов, как всегда, не терял спокойствия. Бывший слесарь из Луганска, он сидел на коне прямо, с настоящей кавалерийской выправкой.

Оба руководителя Конармии понимали — бойцы измучены, им необходимо поесть и хотя бы немного отдохнуть в тёплых хатах. Да и лошади устали. Но Будённый знал и другое: если он не поведёт армию немедленно через прорванный белогвардейский фронт, Ростов успеет подготовиться к обороне. И после отдыха конармейцам снова придётся пробивать себе дорогу под огнём, и поскачут кони с пустыми сёдлами, сбиваясь в косяки, и опять будут расплываться по белому снегу пятна крови... А сейчас путь на город открыт. Но как двинуть армию вперёд через «не могу»?

Приказать, заставить? Да, командарм имел право приказывать, но делать этого не стал. Он подъезжал к бойцам: молодых называл по имени, пожилых по имени и отчеству. Объяснял, в чём дело, просил понять и помочь. Показывал на юг, где за белыми полями и оврагами, за станциями и хуторами лежал сияющий огнями город.

— Ну как? — зычно спрашивал он.

— Даёшь Ростов! — гремели эскадроны в ответ.

И армия двинулась в темноте по степным дорогам. К ночи повалил густой снег, поднялся ветер, наметая сугробы. Путь приходилось пробивать с огромным трудом. По железной дороге двигались на Ростов бронепоезда Первой Конной.

Незадолго до полуночи армия ворвалась на оживлённые улицы города. И к утру Ростов был освобождён. На улицы вышли рабочие, мастеровые. Они радовались приходу Конной.

В МОСКВУ, К ЛЕНИНУ

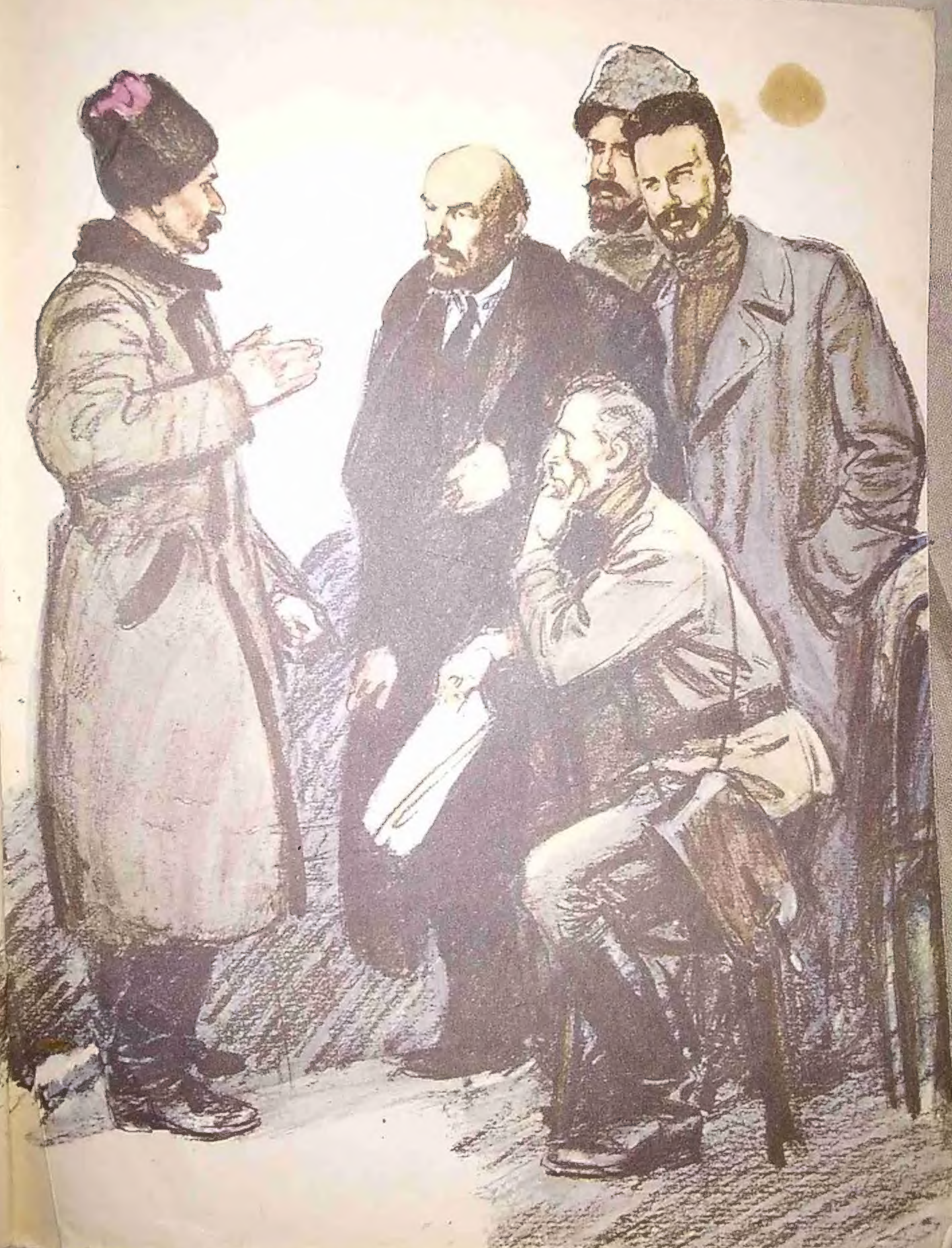
Будённый давно мечтал увидеть вождя революции, поговорить с ним. Ленин работал в Москве, а Будённый воевал на Дону и на Волге. Или ещё дальше от Москвы — в Сальских степях.

И лишь весною 1920 года Будённый увидел Ленина своими глазами. И не только увидел, но и долго разговаривал с ним.

Поехал Семён Михайлович в Москву на съезд партии большевиков. Поехал не с пустыми руками. Первая Конная армия разгромила лучшие полки белого генерала Деникина и отобрала у них награбленное народное добро. Столица республики нуждалась в топливе и хлебе, поэтому был снаряжён целый поезд с нефтью для московских заводов. Ещё к поезду подкатили и с лязгом прицепили вагон с мукой и сахаром — подарок конармейцев Ильичу. Паровоз дал гудок, и состав тронулся.

Весна была уже в разгаре, когда Будённый вышел из вагона и ступил на московскую землю. Солнце грело хорошо, и бежали под ноги ручейки талой воды. Идущему в

Кремль Будённому в полушубке и папахе стало жарковато. Но он этого не замечал, проходя мимо зубчатых стен и высоких островерхих башен — так сильно волновался при мысли, что скоро, наконец, увидит Ленина.

В Кремле шёл съезд. И вот в перерыве между заседаниями Семён Михайлович оказался совсем рядом с Лениным. Ворошилов подсказал Ильичу: «Вот Будённый, командарм знаменитой Первой Конной».

Владимир Ильич быстро подошёл к Будённому, радостно пожал ему руку:

— Вот это и есть тот самый Будённый? Ну, как сейчас идут дела у Первой Конной?

— Слава богу, Владимир Ильич! — выпалил Семён Михайлович.

Будённый в бога не верил, в церковь не ходил. Он был членом партии большевиков, и славить бога ему не следовало. Просто он немного растерялся от того, что разговаривает с вождём трудящихся всей страны и всего мира. Он думал, что Ленин строго поправит его, но Владимир Ильич только звонко рассмеялся и сказал:

— Слава богу — это по-русски выходит: хорошо!

Ленин пригласил Будённого и Ворошилова зайти к нему в кабинет. В кабинете было открыто окно, в него лился свежий весенний воздух. Ленин засыпал Будённого вопросами: как воюют красные кавалеристы, как они обуты и одеты, какие у них лошади, какое оружие, в чём нужда?

Семён Михайлович попросил помощи: речь шла о новом большом походе Конной армии. После разгрома белой гвардии Деникина красных кавалеристов ждали сражения с белополяками на Украине.

— Приказано погрузить армию в вагоны, — рассказывал Будённый, — и везти по железной дороге. А мы, кавалеристы, хотим идти походным порядком, в конном строю.

— Но паровоз быстрее лошади, — заметил Ленин, — железная дорога сохранит силы и бойцов, и лошадей.

Будённый же был уверен, что он прав. Волнуясь, он горячо говорил:

— Понятно всем, что поездом быстрее. Сейчас не времена Чингис-хана, есть железные дороги. Но если бы они работали как следует! Война разорила их: многие мосты